

and commitment to Orthodoxy. It is concluded that the thinker creatively reworked the theory of official nationality, selecting Orthodoxy in the triad of «Orthodoxy, autocracy, nationality» as the key element.

Keywords: Fyodor I. Tyutchev, state unity, territorial integrity, Orthodoxy, separatism, centrifugal force, empire

УДК 329.11

КУЛИКОВ Валентин Игоревич – аспирант факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1; v.i.kulikov@mail.ru)

«ДУХ ВРЕМЕНИ»: ИВАН ИЛЬИН И ПАВЕЛ НОВГОРОДЦЕВ

Аннотация: Статья посвящена анализу социально-политического творчества И.А. Ильина и П.И. Новгородцева. Взгляды русских мыслителей рассматриваются в общем политическом и социальном контексте эпохи. Обосновывается вывод о том, что их юснатуралистская методология анализа природы государства и общества во многом обусловила своеобразие отечественного общественно-политического дискурса конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: общественно-политический дискурс в России конца XIX – начала XX века, П.И. Новгородцев, И.А. Ильин, кризис духовных основ, общественно-политический идеал

Когда говорят о духе времени, имеют в виду некоторую мгновенную схваченность, однократную уловимость коллективным сознанием эпохальных устремлений, надежд и чаяний, которые получают наибольшее распространение, «буквально витают в воздухе». Речь, конечно, идет о различных идеологемах, мифологемах, коллективном мифотворчестве, социальных штампах и культурных клише, т.е. обо всем том, что, в конечном счете, формирует и организует современное ментальное пространство, или культурный интертекст. В этот момент указанные идеи оказываются максимально востребованными общественным мнением, созвучны господствующим умонастроениям, релевантны актуальной повестке дня [Васич, Ширинянц 1999].

В кажущейся разногласии мнений и суждений, многоголосии точек зрения можно все-таки уловить некое «фоновое излучение», некий первичный голос, который всегда говорит от первого лица. Это и есть пресловутый «дух времени», некое «фоновое пространство значений», интертекст культуры, в границах которого развивается любое, в т.ч. и научное, творчество. Само это творчество не может быть понято вне общего идейного контекста и, по сути, является комплексным эффектом многочисленных интертекстуальных связей внутри единого пространства культуры. Говоря словами Р. Барта, любой культурный акт с точки зрения его генеалогии и истории может быть сведен к проблеме «источников и влияний», т.е. к реконструированию породивших его идеологических и семантических отношений и связей.

В указанной перспективе политический проект И.А. Ильина можно считать оригинальной авторской реинтерпретацией наиболее значимых общественно-политических проблем современности. Политические идеи Ильина обнаруживают контекстуальную связанность, идейную преемственность с предшествующей политической традицией и являются органическим и творческим продолжением ее базовых интенций и принципов.

Обозначенная нами проблема «источников и влияний» указывает на необходимость анализа тех идейных оснований, идеологических установок и мировоззренческих констант, которые являлись наиболее значимыми в научном творчестве Ильина и определяли профиль его профессиональной творческой деятельности.

Известный аналитик и комментатор творчества Ильина Ю.Т. Лисица указывает на непреходящее значение для формирования профессиональной культуры и научного мировоззрения будущего мыслителя его принадлежность в годы студенчества к научной школе П.И. Новгородцева [Лисица 1993]. Вокруг трудов, лекций и докладов Новгородцева складывалась особая полемическая среда, некая «смысловая интенсивность», «идейное бродило», и в результате формировались духовные основы современного мировосприятия и миропонимания. Действительно, диапазон научных интересов Новгородцева предельно широк и охватывает наиболее значимые вопросы современной политической философии и политической теории. Большинство рассматриваемых им вопросов и проблем в качестве неких интеллектуальных отзвуков и отголосков можно обнаружить в творчестве как Ильина, так и многочисленных его современников. Именно в этом случае позволительно говорить о проявлении особого «духа времени», или «голоса эпохи», который оказывается интенционально и семантически открытым для герменевтически воспитанного мышления и сознания.

Что же открывается для подобного сознания в духовных реалиях российского общества первой трети XX в.? Каким характеристикам соответствуют указанные сдвиги и изменения в ментальной сфере? Констатация кризиса, кризиса духовных основ – вот то общее мировоззренческое основание, на котором строятся всевозможные критические рефлексии начала века. Для Новгородцева в его поиске общественно-правового идеала – это, прежде всего, кризис правосознания, который является частным проявлением духовного общественного кризиса.

Итак, Новгородцев констатирует наличие всеобъемлющего духовного кризиса, связанного с утратой веры в основополагающие принципы XIX в., с частичной девальвацией модернистских ценностей, с последовательным разрушением прогрессистских мифов и хилиастических надежд о «земном рае». Руссоизм, континентализм, гегельянство, позитивизм и марксизм, т.е. вся традиция общественной философии, которая сложилась в конце XVIII и в XIX столетиях, переживает кризисное состояние и поэтому подвержена значительной деструкции и ревизии основных положений. Модернистский политический проект переживает как идейный кризис, так и кризис стратегический и тактический. И дело не только в «обнаружившихся недостатках парламентаризма, всеобщего избирательного права, референдума», в «беспредельности социальных реформ» [Новгородцев 1991: 31], а прежде всего в утрате и разрушении веры в безусловную (абсолютную) силу различных политических средств.

Данное явление можно было бы назвать релятивизацией политического опыта. Опыт относителен, поскольку перестает соотноситься и соизмеряться с конкретным общественным идеалом. Приходит осознание, что все общественные, в т.ч. и политические, преобразования имеют лишь релятивное значение и не могут открыть для человечества «абсолютную форму жизни» и тем более не могут стать в его истории «счастливым эпилогом пережитой ранее драмы, последней стадией и заключительным периодом истории».

Фактически Новгородцев предвосхищает современных социальных теоретиков в их недоверии к «великим повествованиям» (гранднарративам) и их тотальной критике. Руссоистский проект гражданской религии, гегельянская идея божественного государства, сциентистская утопия Конта и марксистский принцип абсолютной эмансипации человечества – все это серия взаимосвязанных и взаимообусловленных метаповествований, оформившихся в политический дискурс Модерна и переживающих на рубеже веков своеобразный кризис общественного доверия. Главным образом разрушается миф о возможности гармонизации личных и общественных начал в социальном развитии. Современная общественная практика, по мнению Новгородцева, раскрывает нам не столько гармонию, сколько «антиномию личного и общественного начал» [Новгородцев 1991: 42]. То есть, примеры эффективного социального сотрудничества и взаимодействия в общественном развитии в качестве проявления социальной синергии не могут скрыть от нас множественные проявления социальной конфликтности и эмерджентности.

Неустранимая антиномия личного и общественного, изначальная противополо-

ставленность начал индивидуализма и коллективизма в истории заставляет исследователей переосмысливать значение таких «священных коров» новоевропейской политической теории, как эгалитаризм, либерализм, демократизм и т.п. На практике оказывается, что народный суверенитет не согласуется с принципом личности, а равенство приходит в прямое столкновение со свободой. В результате идея народовластия и сама демократическая идеология оказываются дискредитированными в общественном сознании, подрывается кажущаяся ранее незыблемой вера в демократические идеи и принципы [Ширинянц 2012].

Одной из главных констатаций Ильина в анализе нынешней духовной ситуации является констатация глубочайшего кризиса правосознания, охватившего современное российское общество. Ильин солидаризируется с Новгородцевым не только в оценке нынешнего духовного кризиса модернистского Запада, но и в интерпретациях государства и государственных институций с нормативистских юснатуралистских позиций, утверждая, что «право есть начало мира», начало, вносящее порядок и стабильность в социальные отношения.

Непреходящее значение права в области социальной жизни, его первостепенная роль в регуляции общественных отношений актуализирует проблему качественной деформации права и правосознания в современном европейском социуме, когда, говоря словами Ильина, «внутренний правовой опыт человека начал постепенно мельчать и искажаться» [Ильин 1993: 195]. В западной правовой культуре получает распространение формальная юриспруденция и позитивное право. По мнению Ильина, абстрактная и формальная юриспруденция возникает на безрелигиозной почве секуляризма, который в действительности всегда и бесосновный, и беспочвенный. Религиозный дух, покинувший новоевропейскую правовую реальность, оказывается замененным призраками европейского обмирщенного сознания — скептицизмом, нигилизмом и релятивизмом. То, что в правовой и политической концепции Новгородцева выглядело как фактичность релятивизации и прагматизации правового опыта, у Ильина оценивается уже как отрицание права в форме утверждения «диктаториального механического произвола».

Новгородцев и Ильин в целом сходятся в оценках перспектив восстановления подлинного неформализованного правосознания и видят основу для такого восстановления в отдельной личности, непреклонной в своем нравственном стремлении и черпающей свою силу из веры в абсолютный идеал добра и справедливости.

Кризис современного правосознания, по Новгородцеву, проистекает из кризиса самих мировоззренческих основ общества, которое более не способно обеспечить собственную целостность и единство. Общество распалось на отдельные воли и желания и грозит все большим социальным раздроблением, последовательной сегментацией по экономическим, политическим и культурным основаниям. Восстановление целостности общества нельзя осуществить на абстрактных основаниях совместной деятельности, не гарантирует его и наличие фактических социальных связей. Оно обеспечивается лишь «трансцендентальным единством абсолютного идеала и одинаковым стремлением всех к этому идеалу» [Новгородцев 1991: 62].

Апелляция к внутреннему миру человека как источнику права характерна для любой трансценденталистской традиции социальной рефлексии. Не случайно Ильин говорит о неких священных истоках и глубоких источниках здорового правосознания, которые необходимо реанимировать и реактуализировать в структуре личного правосознания. Очевидно, что призыв к восстановлению утраченного «трансцендентального эталона» — это призыв христианского автора и его апелляция к вневременным христианским правоустановлениям. Правовой трансцендентализм Ильина обращен к «внутреннему человеку» и прочерчивает путь его духовного оздоровления и внутреннего освобождения: «Человек призван не к внешнему самоосвобождению от закона (таков путь революции, анархии, деспотизма); но к внутреннему самоосвобождению в пределах закона (таков путь лояльности, правопорядка и здорового развития)» [Ильин 2011: 222].

Юснатуралистские концепты Новгородцева и Ильина построены на противопо-

ставлении двух методологических подходов в исследовании природы государства и государственных институтов: механистического (формально-юридического) и органического (естественно-правового). Из факта указанного разделения вырастают известные в политической философии дихотомии индивидуализма – коллективизма, модернизма – традиционализма, антропоцентризма – социоцентризма и т.п. В сложной запутанной аналитике рассматриваемых социальных и философских категорий рождается своеобразный отечественный общественно-политический дискурс конца XIX – начала XX в., который пытается отрефлексировать существующую динамику социальных и политических изменений на Западе и в России, дать этим изменениям соответствующую оценку и предложить свое видение дальнейших перспектив развития общества, государства и личности.

Список литературы

Васич В.Н., Ширинянц А.А. 1999. *Политика. Культура. Время. Мифы*. М.: Диалог-МГУ. 128 с.

Ильин И.А. 1993. Наши задачи: статьи, 1951–1954 гг. – *Ильин И.А. Собрание сочинений*. В 10 т. М.: Русская книга. Т. 2. Кн. 2. 480 с.

Ильин И.А. 2011. Путь духовного обновления. – *Ильин И.А. Путь духовного обновления*. М.: Институт русской цивилизации. С. 17-281.

Лисица Ю.Т. 1993. Иван Александрович Ильин. Историко-биографический очерк. – *Ильин И.А. Собрание сочинений*. В 10 т. М.: Русская книга. Т. 1. С. 5-36.

Новгородцев П.И. 1991. Об общественном идеале. – *Новгородцев П.И. Об общественном идеале*. М.: Пресса. С. 11-522.

Ширинянц А.А. 2012. Миф и утопия демократии. – *Арзамасская сторона: альманах*. Вып. 5. Арзамас: АГПИ. С. 386-392.

KULIKOV Valentin Igorevich, postgraduate student of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskie Gory St, Moscow, Russia, 119991; v.i.kulikov@mail.ru)

ZEITGEIST: IVAN ILYIN AND PAVEL NOVGORODTSEV

Abstract. The article analyzes the socio-political works of I.A. Ilyin and P.I. Novgorodtsev. The views of the thinkers are discussed in the general political and social context of the era. The conclusion is made that their unnaturalistic methodology of analysis of the nature of the state and society has greatly caused the originality of domestic socio-political discourse of the late 19th – early 20th centuries.

Keywords: political discourse in Russia in the late 19th – early 20th centuries, Pavel Novgorodtsev, Ivan Ilyin, crisis of spiritual foundations of society, socio-political ideal